

Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.г. ¹⁾.

Получивъ предложеніе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „дальнѣйшее стремленіе на югъ замѣнить новыми дополнительными работами въ древнемъ городѣ Хара-хото“, мы приступили къ выполненію вновь намѣченной программы. Съ двадцатыхъ чиселъ декабря 1908 г., пошли энергичные сборы, а послѣ встрѣчи новаго, 1909, года 6-го января, я уже отправился въ Амдо, съ расчетомъ—весной возвратиться въ Алашань и до наступленія высокихъ жаровъ прибыть въ Хара-хото.

Несмотря на самый холодный зимній мѣсяць, январь, въ который экспедиція двинулась въ дорогу, вначалѣ мы не ощущали изнурительныхъ холодовъ, въ особенности тамъ, гдѣ маршрутъ экспедиціи пролегалъ въ непосредственной близости глубокой, теплой долины Хуань-хэ, но по мѣрѣ проникновенія въ область горъ, зима давала себя чувствовать во всей полнотѣ. Недоставало лишь снѣгового покрова, да и то только въ долинахъ, гдѣ кромѣ того травянистыя, отливавшія желтизной, степи пестрѣли многочисленными стадами скота. Черные шатры туземнаго населенія также оригинально выдѣлялись на скатахъ безснѣжныхъ холмовъ, сбѣгавшихъ на дно ручьевъ или рѣчекъ, ледяная поверхность которыхъ серебристо блестяла на яркомъ здѣшнемъ солнцѣ.

Общая характеристика амдоскаго нагорья можетъ быть прирав-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1911.

нена къ характеристикѣ наиболѣе мягкихъ частей Тибета, расположенныхъ на востокъ или югъ этой обширной страны, гдѣ абсолютная высота мѣстности отъ 16-ти тысячъ футовъ спускается до 12-ти или даже 11-ти тысячъ (футовъ).

Амдо привольно раскинулось къ югу отъ альпійскаго бассейна Куку-нора, расплываясь болѣе или менѣе высокими волнами горъ, грядъ, холмовъ, къ востоку и западу отъ Хуанъ-хэ, ея верхняго нагорнаго теченія. Главныя цѣпи горъ ориентированы въ широтномъ направленіи съ неодинаковымъ уклономъ къ сѣверу и югу. Снѣговая линія абсолютно поднята выше 15.000 футовъ. Какъ и въ Тибетѣ,—въ верховьяхъ долинъ залегаютъ характерные луга твердой тибетской осоки, по которой пасутся стройныя горныя антилопы-ада и во множествѣ держатся большіе тибетскіе жаворонки, въ ясные проблески дня оживляющіе мелодичнымъ пѣніемъ монотонность страны. Горы вообще богаты тибетскими формами растеній, начиная съ низкорослыхъ кустарниковъ до альпійскихъ луговъ включительно; животная жизнь также однообразна съ тибетской. Здѣсь только путешественникъ не встрѣчаетъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго, вытѣсненныхъ обиліемъ кочевниковъ.

Видѣнные нами амдосцы по наружности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ описанныхъ нами на страницахъ моей книги „Монголія и Камъ“ восточныхъ тибетцевъ. Они имѣютъ тотъ же средній ростъ, рѣже большой, то же плотное коренастое сложеніе, тѣ же большіе черные глаза, тотъ же неприплюснутый, иногда даже орлиный, носъ и тѣ же среднія уши.

Пища, одежда и жилище у кочевыхъ амдосцевъ одинаковы съ таковыми восточныхъ тибетцевъ. Нравы и обычай также очень близки; разница можетъ быть наблюдаема лишь при детальномъ изученіяхъ тѣхъ и другихъ обитателей. И у амдосцевъ мужской элементъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ норовитъ составить компанію для праздныхъ разговоровъ. Въ лучшемъ случаѣ амдосцы ѣдутъ на охоту или на грабежъ. Домашнія же работы, какъ-то: уходъ за скотомъ, сборъ топлива, водоношеніе и многое другое, короче—все, ложатся на женщину. Въ то время какъ женщина въ теченіе дня трудится, что называется, не покладая рукъ, мужчина скучаетъ отъ бездѣйствія и идетъ къ ней на помощь только тогда, когда женщина физически не въ состояніи съ чѣмъ-либо справиться. Верхомъ на лошади амдоска такъ же ловка, какъ и амдосецъ; поймать изъ табуна любую лошадь, ухватиться рукой за гриву и, быстро вспрыгнувъ на спину неосѣдланнаго животнаго, лихо нестись въ желаемомъ направленіи—въ привычкѣ каждой молодой амдоски.

Какъ женщины гордятся своими бусами и серебромъ, такъ одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспѣхами, въ особенности ружьемъ и саблей, на украшеніе которыхъ серебромъ и цвѣтными камнями тратится не мало денегъ. Боевымъ видомъ, молодечествомъ, удалью въ Амдо, какъ и вообще въ Центральной Азіи, главнымъ образомъ и оцѣниваются достоинства людей, способныхъ быть начальниками. Рѣзвые кони, съ хорошимъ звонкимъ убранствомъ, уже издали привлекаютъ вниманіе придорожнаго населенія или каравана. Пестрый,—темнокрасный, синій, желтый,—нарядъ очень краситъ гордыхъ амдосцевъ, амдоскихъ чиновниковъ, передъ которыми мѣстные простолюдины смиренно и низко склоняютъ головы.

Въ послѣднее время нельзя не отмѣтить особеннаго, рѣзко бросающагося въ глаза стремленія амдосцевъ къ приобрѣтенію европейскаго оружія. Тѣ обитатели Амдо, которыхъ мы встрѣчали или въ дорогѣ, или у себя на бивуакѣ, часто бывали вооружены именно магазинными винтовками, содержащимися въ образцовомъ порядкѣ, съ придѣланными къ нимъ сошками для болѣе мѣткой стрѣльбы въ долинахъ по звѣрямъ, какъ это всегда устраиваютъ центрально-азіатцы у своихъ примитивныхъ фитильныхъ самопаловъ. Амдосцы съ гордостью показывали намъ ихъ магазинки, въ свою очередь прося насъ показать имъ русскую винтовку. Разборку и сборку европейскихъ ружей амдосцы усвоили прекрасно, и всякаго рода манипуляціи съ ними они продѣлываютъ съ замѣчательной ловкостью и умѣньемъ. Сидя дома, отъ скуки, амдосецъ снимаетъ со стѣны ружье, холить, нѣжить и ласкаетъ его, словно мать свое любимое дѣтище. Патроны или заряды туземцы берегутъ съ замѣчательною выдержанностью. Легко представить себѣ, съ какою завистью амдосцы посматривали на нашъ караванъ, на наши вьюки, на наше однообразное вооруженіе. Я положительно убѣжденъ, что ни что другое не соблазнило, не толкнуло амдосцевъ рѣшительно броситься на насъ, какъ только наши винтовки, прелесть и превосходное качество которыхъ они уже успѣли оцѣнить по своимъ ружьямъ европейскихъ образцовъ. Недаромъ же китайцы такъ сильно протестовали противъ моего намѣренія двинуться въ Амдо,—имъ хорошо была извѣстна страсть этихъ обитателей убивать и грабить,—и согласились только въ томъ случаѣ, когда я выдалъ имъ новую подписку, что могуція встрѣтиться въ Амдо непріятности и бѣды я беру на свою отвѣтственность.

Въ наиболѣе красивыхъ, привѣтливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уютныхъ уголкахъ Амдо устроены кумирни или монастыри, а при этихъ послѣднихъ нерѣдко и управленія начальниковъ и дома ихъ

приближенныхъ. При монастыряхъ же очень часто имѣютъ квартиры и торговцы—китайцы, которые, впрочемъ, при большихъ такихъ центрахъ группируются въ отдѣльныя колоніи.

Главнѣйшіе монастыри въ Амдо—Гумбумъ и Лавранъ, насчитывающіе въ своихъ обширныхъ храмахъ и многочисленныхъ постройкахъ тысячи ламъ, исповѣдующихъ главнымъ образомъ ученіе Цзонъ-хавы или такъ называемаго желтаго толка. Съ первымъ изъ этихъ монастырей я уже познакомилъ читателей, съ другимъ познакомлю ниже.

Послужившій для отдыха и дальнѣйшаго снаряженія экспедиціи оазисъ Гуй-дуй расположенъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ, въ просторной теплой долинѣ. Гуй-дуй представляетъ собою частью городское населеніе—чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, ютящихся внутри или внѣ, но подлѣ городскихъ глинобитныхъ стѣнъ, огораживающихъ весьма небольшой участокъ, прижатый къ Хуанъ-хэ, частью—поселянъ земледѣльцевъ, широко расплывшихся своими фермами по сторонамъ отъ стѣнъ, въ особенности вверхъ и внизъ по теченію Желтой рѣки. Кромѣ земледѣлія Гуй-дуй славится разведеніемъ хорошихъ садовъ. Гуй-дуйскія груши находятъ большой сбытъ на сининскомъ и гумбумскомъ сосѣднихъ рынкахъ.

По отношенію къ прилежащему нагорью, къ многочисленнымъ богатымъ кочевникамъ-скотоводамъ, Гуй-дуй играетъ видную роль, какъ мѣновой рынокъ. Сюда номады везутъ сырьё, пригоняютъ скотъ, получаютъ взамѣнъ хлѣбъ или сухую муку „дзамбай“, кирпичный чай, предметы домашняго обихода и своеобразной роскоши. Ловкіе торговцы-китайцы выгодно торгуютъ мѣстной водкой, къ которой кочевники такъ падки. Въ базарные дни улицы Гуй-дуй'я полны номадами, ихъ пестрыми оригинальными нарядами; картины самаго занимательнаго характера представляются на каждомъ шагу. Какъ и въ Донгэрѣ, въ Гуй-дуй'ѣ кочевники чувствуютъ себя будто дома; и здѣсь они горды, надменны, смѣлы и своимъ воинственнымъ видомъ внушаютъ китайцамъ страхъ и уваженіе.

Представителями китайской администраціи въ Гуй-дуй'ѣ являются двое небольшихъ чиновниковъ: гражданскій и военный. Съ тѣмъ и другимъ, съ первой встрѣчи, у насъ установились хорошія отношенія. По временамъ мы навѣщали другъ друга или совершали совмѣстныя прогулки въ окрестности. Въ тихомъ, симпатичномъ Гуй-дуй'ѣ наша жизнь текла мирно, однообразно. Сосѣди поселяне къ намъ скоро привыкли и стали заглядывать въ занимаемую нами кумирню ежедневно; одни—съ цѣлью послушать нашъ граммофонъ, другіе—полѣчиться отъ болѣзни глазъ, желудка или ревматизма.

Запасы нашей аптеки, здѣсь, значительно поубавились. Благодарные пациенты иногда приносили въ даръ фрукты и хлѣбы...

Погода въ теченіе трехмѣсячнаго пребыванія экспедиціи въ Гуй-дуй'ѣ, въ общемъ, стояла довольно хорошая, въ особенности въ осенніе мѣсяца—октябрь и ноябрь, когда преобладали тихіе солнечные дни. Въ первой половинѣ октября еще не чувствовалось осени, такъ какъ солнце пригрѣвало по-лѣтнему и на многихъ деревьяхъ еще прочно держалась листва, но въ концѣ отмѣченнаго мѣсяца и въ началѣ ноября воздухъ значительно посвѣжѣлъ, деревья обнажились и вершины сосѣднихъ горъ стали покрываться снѣгомъ. Въ декабрѣ преобладала облачность и восточные или сѣверные вѣтры, приносившіе стужу, а также и сухой, тонкій снѣгъ, не надолго прикрывавшій собою долину. Тонкая, лёссовая пыль опускалась на землю, даль открывалась. Въ прозрачной синевѣ неба носились крылатые хищники...

Приспособивъ для жилья кумиренное зданіе, мы въ немъ удобно размѣстились и за постояннымъ дѣломъ не замѣчали, какъ бѣжало время. Мои сотрудники совершали частыя экскурсіи въ горы или въ долину, мнѣ же лично, въ ноябрѣ, удалось съѣздить въ монастырь Чойбзэнъ-хитъ, лежащій къ сѣверу отъ Синина, и пробыть въ немъ достаточное время для ознакомленія и изученія его интересныхъ храмовъ и главнаго чойбзэнскаго перерожденца. Послѣдній, мой старый знакомый, еще со времени экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, принялъ меня радушно и позволилъ, между прочимъ, снять съ себя цѣлую серію фотографій...

Чойбзэнскій гэгэнъ съ гордостью показалъ мнѣ подарокъ Географическаго Общества, содержащійся въ образцовомъ видѣ; а когда мы съ нимъ обходили его уютный домъ-молельню и въ одной изъ лучшихъ комнатъ, рядомъ съ бурханами, я увидѣлъ большую олеографію „Коронація императора Николая II-го“, и по этому поводу глубокомысленно взглянулъ на святителя, то онъ благоговѣнно устремилъ глаза вверхъ, приложивъ правую руку къ груди...

...Распрощавшись съ гуй-дуйцами, прекрасно относившимися къ экспедиціи, мы утромъ означеннаго дня направились въ интересный путь. Небо было прекраснаго темно-синяго цвѣта; солнце пригрѣвало ощутительно; дорога, сухая, пыльная, представляла своего рода удобства и неудобства, и нашъ караванъ, состоявшій изъ двѣнадцати вьючныхъ и столькихъ же верховыхъ лошадей или муловъ, ходко шагаль сначала по знакомому оазису, а затѣмъ по южному ущелью рѣчки Ранэнъ-жацонъ, которая привела насъ на горячіе ключи Чи-чю.

Здѣсь была наша первая ночевка. Между монастыремъ и горячими цѣлебными ключами мы разбили лагерь. Наши бѣлые шатры красиво отливали на золотистомъ фонѣ дэрэсуна (*Zasiagrostis splendens*), достигавшаго роста человѣка. Это привѣтливое мѣстечко уже было мнѣ знакомо по моей декабрьской экскурсіи къ источникамъ, тахітал'ная температура которыхъ опредѣлилась 85,2° С. Теперь здѣсь никого не было, но въ первое мое посѣщеніе я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ н'голоковъ, пріѣзжающихъ сюда для лѣченія съ извилины Желтой рѣки. Тогда же пользовались ваннами и примитивно устроенными приспособленіями къ нимъ п ламы ближайшихъ монастырей. Ущелье, гдѣ выбѣгають источники, обставлено высокими холмами, обнажающими у подножій болѣе или менѣе крупныя валуны, въ среднемъ же поясѣ—красный песчаникъ, пестрѣвшій широкими полосами.

Ночь спустилась на землю очень скоро. Прозрачное небо заискрилось массой яркихъ звѣздъ, изъ которыхъ эффектно выдѣлялся красавецъ Сатурнъ, которымъ мы нерѣдко любовались въ трубу въ Гуй-дуй'ѣ, во время астрономическихъ наблюденій. Сосѣдній монастырь, казалось, уже погрузился въ дремоту, но нашъ лагерь былъ долго оживленъ голосами русскихъ, китайцевъ и тангутовъ. Яркій костеръ привлекалъ компанію побесѣдовать о впереди лежавшей мѣстности.

Съ зарей слѣдующаго дня, 7-го января, караванъ снялся и пошелъ въ прежнемъ, южномъ направленіи съ цѣлью выбраться изъ глубокой вырѣзки общей долины Хуанъ-хэ на прилежащее плато. Такъ какъ верховья рѣчекъ и ручьевъ образовали много ледяныхъ каскадовъ, то мы принуждены были цѣпляться по страшной крутизнѣ глинистыхъ или лессовыхъ обрывовъ, прежде нежели поднялись на нагорье, гдѣ вздохнули свободнѣе, и гдѣ караванъ вновь пошелъ надлежащимъ ходомъ.

Къ востоку отъ нашего пути выросли горы, къ западу открывалась долина Желтой рѣки, порою суживающаяся настолько, что представлялась гигантской темной змѣей. На смѣну осѣдлаго населенія появилось кочевое. Вершины новыхъ грядъ или холмовъ открывали и новыя виды, новыя долины, густо заполненныя кочевниками и ихъ стадами. Мы стали держаться юго-западнаго направленія, пристраиваясь на ночлегъ въ сосѣдствѣ тангутскихъ стойбищъ. Во время передвиженія каравана насъ сопровождали цѣлыя кавальбады всадниковъ, подгонявшихъ новыхъ вьючныхъ животныхъ,—яковъ или быковъ,—которыми мы скорѣ замѣнили усталыхъ лошадей и муловъ.

Первая дневка предполагалась въ тангутскомъ княжествѣ Луца,

котораго мы на пятый день своего пути отъ Гуй-дуй'я благополучно и достигли.

Ставка луццассаго управителя располагалась въ превосходной пастбищной долинь, поперекъ которой экспедиція шла цѣлый день, держа направленіе на извѣстную группу черныхъ палатокъ, или банаговъ. Подъѣзжая къ ставкѣ, я былъ встрѣченъ сначала сыномъ князя, молодымъ, красивымъ амдосцемъ, и княжеской дворней, а затѣмъ и самимъ старикомъ „Лу-хомбо“, какъ его называютъ окрестные обитатели, производившимъ впечатлѣніе крѣпкаго, закаленного въ бояхъ, воина. Князь пригласилъ меня къ себѣ въ обширную палатку, гдѣ уже было готово обычное угощеніе: чай и свѣжее, только что испеченное изъ самой простой муки, печенье. Князь сѣлъ противъ меня, прося не стѣсняться, а ѣсть и пить какъ слѣдуетъ. Кирпичный чай, приправленный солью, молокомъ и масломъ, вначалѣ кажется противнымъ, но я уже достаточно привыкъ къ азіатскому напитку и съ аппетитомъ поглощалъ чашку за чашкой; сынъ Лу-хомбо то и дѣло подливалъ мнѣ чая и подкладывалъ новыя печенья, поджаренныя на бараньемъ салѣ.

Принявъ угощеніе, я пожелалъ выбрать мѣсто для лагеря экспедиціи; старикъ и молодой князь оба направились со мною и помогли разрѣшить этотъ вопросъ. Мы остановились на открытой площадкѣ, залегавшей саженьяхъ въ ста отъ княжеской ставки. Тѣмъ временемъ подошелъ и караванъ, который лишь только былъ развьюченъ, какъ оба князя попросили у меня отпустить всѣхъ моихъ спутниковъ на чай, послѣ дороги. Все, казалось, идетъ самымъ лучшимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что при экспедиціи слѣдовалъ офиціальныи китайскій переводчикъ изъ сининскаго управленія, снабженный всякаго рода бумагами для оказанія намъ содѣйствія со стороны амдосцевъ.

Угостивъ нашихъ молодцевъ, князя и ихъ свита направились въ нашъ лагерь и положительно его осадили. Князя были приглашены въ офицерскую палатку; оба они оказались большими любителями выпить и безъ всякаго стѣсненія спросили у меня русской водки, поднимая вверхъ, въ знакъ одобренія, оба большихъ пальца.

Мнѣ хотѣлось получше угостить перваго важнаго амдосца и мы поставили передъ княземъ Луцца бутылку коньяку. Къ сожалѣнію, коньякъ былъ выпить очень быстро, легко, и не удостоился похвалы, наоборотъ скорѣе заслужилъ насмѣшку. Жалко было уничтоженной бутылки такого дорогаго напитка, который мы привезли изъ далекаго Петербурга и который берегли какъ драгоценное лекарство. Подумавъ немного, я предложилъ дикарямъ-

гостямъ самага крѣпкаго спирта, хранящагося въ запасахъ экспедиціи для коллектированія рыбъ, змѣй, ящерицъ и проч. Князя одобрили его, и старикъ немного подвыпилъ. На счастье, въ-время пришла старушка-княгиня, маленькая тщедушная женщина, и увела захмѣлѣвшаго старика, по дорогѣ проронившаго: „завтра будемъ говорить о дѣлахъ, о вашемъ дальнѣйшемъ пути, а сегодня я жду подарковъ“. Подарки дѣйствительно частью уже князь получилъ, частью были направлены вслѣдъ за нимъ.

Два дня шли безплодные переговоры, не приведшіе ни къ какому положительному результату. Для князей всего предлагаемаго нами, — и новыхъ подарковъ, и самой высокой платы за животныхъ и проводниковъ, — было недостаточно; они стояли на своемъ: „подарите вашу русскую винтовку и ящикъ патроновъ, тогда мы выпустимъ васъ изъ своихъ владѣній“. Когда и на эту комбинацію, скрѣпя сердце, я вынужденъ былъ, наконецъ, согласиться, тогда Лу-хомбо сказалъ: „сейчасъ придетъ къ вамъ мой сынъ посмотрѣть еще разъ вашу винтовку, а я уйду домой“. Явился сынъ, гордо и надменно вошедшій въ казачью палатку, гдѣ и принялся за самый внимательный осмотръ нашей магазинки. Въ концѣ концовъ, онъ съ прежнею надменностью заявилъ: „ваше ружье—скверное, оно ничего не стоитъ“... и ушелъ. Нашъ лагерь понемногу опустѣлъ; на немъ остались лишь тѣ немногіе луццасцы, которые не могли отличить чужой отъ своей собственности и которые чуть не на глазахъ нашихъ стащили всѣ аптечные бинты и марлю...

Старый князь собралъ совѣтъ старшинъ-головорѣзовъ; на этомъ совѣтѣ, какъ выяснилось впоследствии, и было рѣшено уничтожить насъ, чтобы воспользоваться всѣмъ нашимъ оружіемъ и проч. Мы же не допускали мысли, что на насъ готовится предательское нападеніе, и тѣмъ болѣе могли не знать, что Лу-хомбо на совѣтѣ одобрилъ предложеніе сына и прочей молодежи напасть на насъ глухою ночью, перебить, переколоть горсточку русскихъ, воспользоваться ихъ самымъ цѣннымъ добромъ, а китайцу переводчику, ночевавшему всегда въ княжеской палаткѣ, затѣмъ заявить, какъ заявили намъ на другой день послѣ неуспѣшной атаки, что нападавшіе были не ихъ однохошунцы, а обитатели сосѣдняго аймака, ихъ отъявленные враги, нагрянувшіе въ Луцца съ цѣлью отомстить луццасцамъ за своихъ убитыхъ нѣкогда товарищей, но случайно напавшіе на русскихъ...

Вечеръ 12-го января былъ особенно тихимъ со стороны княжеской ставки. Сумерки погасли скоро, на землю спустилась темная, облачная ночь. Отъ сининскаго переводчика мы узнали, что князь

согласился распорядиться подводами на завтрашній день на условіяхъ самыхъ послѣднихъ, т. е. по баснословно дорогой цѣнѣ за каждое отдѣльное животное и за cadaго изъ пятнадцати проводниковъ, тогда какъ въ сущности мы нуждались въ одномъ; но намъ навязывали ихъ непременно пятнадцать человекъ, якобы, одинъ—два не въ состояніи будутъ возвратиться домой живыми и неграбленными. О ружьяхъ и патронахъ болѣе не упоминалось.

На эту ночь особенныхъ приготовленій мы никакихъ не дѣлали и улеглись спать, за исключеніемъ часового, раздѣтыми, тогда какъ предыдущую ночь провели въ полной боевой готовности, слыша со стороны ставки подозрительный топотъ и выкрики амдоскихъ воиновъ.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ почи винтовочный выстрѣлъ поднялъ всѣхъ насъ на ноги; то былъ выстрѣлъ подскакавшаго на бивуакъ разъѣзда по нашему часовому, который громко крикнулъ: „нападеніе, вставайте!“ въ свою очередь открывъ огонь по удиравшимъ двумъ всадникамъ. Въ минуту—двѣ и мы выскочили изъ палатокъ, конечно, кто въ чемъ былъ, съ ружьями въ рукахъ, но уже никого не видѣли; слышенъ былъ только рѣзкій топотъ копытъ быстро скакавшихъ коней. Едва мы успѣли одѣться, полностью вооружиться и стать въ боевую линію, какъ съ той же западной стороны, куда ускакалъ разъѣздъ, слышали новый топотъ копытъ, постепенно усиливающійся, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣли черное пятно, выраставшее по мѣрѣ приближенія тангутовъ къ нашему лагерю. Темная январская ночь была единственной свидѣтельницей всего того, что произошло между маленькою горсточкой русскихъ и сотеннымъ отрядомъ дикихъ номадовъ, мчавшихся въ карьеръ, съ пиками на перевѣсѣ, на маленькій лагерь иностранцевъ, открывшихъ огонь шаговъ на 400—500 навстрѣчу атаковавшихъ. Огонь восьми нашихъ винтовокъ описывалъ непрерывную огненную змѣйку, ярко сверкавшую въ темнотѣ ночи. Разбойники не выдержали, не доскакали какой-нибудь полусотни шаговъ,—вѣроятно, и того меньше, — круто повернули въ сторону и тотчасъ скрылись въ глубинѣ лощины. Однако, гулкой топотъ копытъ по сухой промерзшей почвѣ долго слышался въ тишинѣ. Все описанное произошло такъ быстро, такъ стремительно, что вначалѣ казалось какъ-то таинственнымъ призракомъ; это былъ какой-то дикій вихрь или ураганъ, промчавшійся Богъ вѣсть откуда и куда... Не стой мы въ полной боевой готовности навстрѣчу этому грозному урагану, ничто не спасло бы насъ отъ стремительности разбойниковъ,—ихъ пикъ и сабель. Дѣйствительно, если бы разбойники не выслали разъѣзда снять нашего часового и тѣмъ самымъ не подняли бы насъ на ноги, ихъ планъ навѣрно удался

бы... ихъ атака въ темнотѣ ночи сдѣлала бы свое дѣло. Но Богъ судилъ иначе... И какъ мнѣ не вѣрить въ мою счастливую звѣздочку!..

Едва мы успѣли опомниться отъ всего происшедшаго, какъ со стороны ставки князя услышали выкрики Лу-хомбо и его сына: „Что случилось? Не перерубили ли русскихъ наши сосѣди-враги?.. Какой сильный огонь былъ“... и проч. Такъ, потомъ, передавалъ намъ сининскій переводчикъ, отъ страха потерявшій голову. Чтобы скорѣе удовлетворить любопытство, старикъ-князь прислалъ въ нашъ лагерь своего сына, который былъ крайне удивленъ, что мы всѣ цѣлы и невредимы, стоимъ въ полномъ боевомъ порядкѣ и ждемъ новой атаки... Теперь равнина огласилась дикими криками, пальбой вдаль и чѣмъ-то зловѣщимъ, продержавшимъ всѣхъ насъ подъ ружьемъ порядочное время. Мы уже больше не вѣрили этимъ негоднямъ и стали съ этой, чуть не роковой, ночи спать, не раздѣваясь, въ объятіяхъ съ ружьемъ и патронами въ теченіе всей зимней экскурсіи.

Утромъ 13-го января я поздравилъ моихъ молодцовъ-спутниковъ старшими или младшими унтеръ-офицерами или урядниками и выяснилъ имъ положеніе, въ которомъ мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похвалившій всѣхъ насъ за молодецки отбитую атаку. Я въ шутливомъ тонѣ спросилъ князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть съ нами такую злую шутку. На это гордый старикъ отвѣтилъ: „Собственной рукой зарублю, а если окажется раненымъ, то и заколю того, кто осмѣлился бы изъ моихъ людей принимать участіе въ набѣгѣ“. Лу-хомбо разсвирѣпѣлъ, гнѣвные глаза властнаго старика метали искры, онъ нервно вздрагивалъ и машинально поворачивалъ на головѣ свою мѣховую „атаманскую“ шапку; порою даже сбрасывалъ рукавъ съ праваго плеча, обнажая спину и на ней зарубцеванныя раны,—старый воинъ видывалъ виды. Теперь я сталъ вѣрить, что Лу-хомбо никогда никому не давалъ даже обычныхъ подарковъ, какъ онъ мнѣ объ этомъ заявилъ въ первый день нашего знакомства, но самъ со всѣхъ бралъ столько, сколько хотѣлъ. Кажется, въ первый разъ князю пришлось сознаться въ своемъ безсиліи...

Чтобы не навлечь на себя еще большихъ подозрѣній и не дать намъ узнать объ убитыхъ и раненыхъ, о чемъ мы узнали только черезъ нѣсколько дней и переходовъ, — Лупцаскій князь поторопился сплавить насъ, назначивъ въ начальники проводниковъ сына и угостивъ насъ въ дорогу неизмѣннымъ кирпичнымъ чаемъ и жирнымъ печеньемъ.

Отъ доставки экспедиціи въ монастырь Рарча-гомба, какъ я того желалъ, лущасцы отказались наотрѣзъ, мотивируя свое нежеланіе высокимъ снѣговымъ хребтомъ на пути, но, вѣроятно же всего, боязнью н'голоковъ—такихъ же разбойниковъ, какъ и они сами, которые давно грозятъ Лу-хомбо набѣгомъ „за прежніе, давніе грѣхи стараго волка“. Князь продиктовалъ нашъ длинный окружный маршрутъ своему сыну, съ наказомъ передать его зятю старика, обязанному затѣмъ доставить экспедицію съ тѣмъ же наказомъ, въ линію круговаго пути, залегавшаго въ районѣ монастырей Рарча-гомба—Лавранъ.

Подобный удлиненный и круговой маршрутъ, составленный княземъ Луца въ цѣляхъ доставить заработокъ роднымъ и знакомымъ старшинамъ, былъ полезенъ и для насъ, такъ какъ давалъ возможность познакомиться съ самымъ интереснымъ, невѣдомымъ, уголкомъ Амдоскаго нагорья. Правда, это изслѣдованіе стоитъ намъ очень дорого въ физическомъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. До прихода въ монастырь Лавранъ мы ложились спать, не раздѣваясь и не разставаясь съ ружьемъ; ночные караулы держали самые строгіе, самые усиленные; при малочисленности участниковъ зимней экскурсіи на часахъ приходилось стоять всѣмъ намъ черезъ ночь въ продолженіе пяти-шести морозныхъ часовъ, а на другой день слѣдовать въ дорогѣ со всякаго рода наблюденіями и сборами коллекцій ¹⁾ на высотѣ, на три-четыре версты превышающей Петербургъ. Нервы наши были напряжены до крайности. Надо было имѣть большое терпѣніе, чтобы перенести все это и платить разбойникамъ во много разъ больше слѣдуемаго. Неудивительно, поэтому, что монастырь Лавранъ мы ждали словно манны небесной.

Лавранъ, большой историческій монастырь, играетъ громадную роль въ жизни не только прилежащихъ, но и отдаленныхъ номадовъ. Сюда періодически стекаются десятки тысячъ буддистовъ помолиться и поклониться лавранскимъ святынямъ, а также и устроить свои дѣла. Лавранъ—младшій братъ Гумбума, но онъ превзошелъ его богатствомъ и великолѣпіемъ.

Своимъ возвышеніемъ Лавранъ обязанъ второму перерожденцу съ именемъ Жигмэдъ-вамбо, энергичному, умному, и его ученику

¹⁾ Суевѣрные туземцы въ нашемъ намѣреніи разузнать что-либо объ ихъ странѣ и осмотрѣть горы и отбить образчикъ горной породы видѣли для себя большое несчастье, — увозъ русскими ихъ „благъ природы“, — поэтому противъ нашихъ открытыхъ наблюденій страшно протестовали. Пришлось вести ихъ втихомолку.

Гунтанъ-Дамби-Донмэ, который своими сочиненіями по философіи буддизма и преподавательской дѣятельностью поставилъ лавранскую школу „цаннида“ въ блестящее положеніе.

Изъ многочисленныхъ храмовъ Лаврана наибольшаго вниманія заслуживаютъ: цокчэнъ-дукань—главный соборный храмъ, затѣмъ Сэрдунъ-чэмо или храмъ Майтреи, принадлежащій перерожденцамъ Жамьянъ-шадбы, расположенный въ сѣверо-западной окраинѣ монастыря. Этотъ храмъ имѣетъ золотую кровлю въ китайскомъ стилѣ. Внутри храма находится большая статуя бодисатвы Майтреи. Какъ и всѣ лхаканы, Сэрдунъ-чэмо имѣетъ стѣнные картины. На внутренней стѣнѣ, налѣво отъ входной двери, находится громадная рукописная надпись на полотнѣ. Эта надпись, по свидѣтельству Б. Б. Барадійна, излагаетъ на тибетскомъ языкѣ исторію храма и описаніе священныхъ реликвій, находящихся въ храмѣ. Между прочимъ здѣсь перечисляются тѣ священные предметы культа, которые вложены во внутрь самой статуи. Въ числѣ этихъ предметовъ упоминается, какъ самая сокровенная изъ вложенныхъ реликвій — санскритская рукопись на пальмовыхъ листахъ сочиненіе учителя Буддапалиты—о философіи середины ¹⁾).

Лавранъ—слово тибетское, означаетъ гэгэнскій покой, домъ. Какъ монастырь Лавранъ основанъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Основатель его—Жамьянъ-шадба, имѣющій четвертое перерожденіе, успѣлъ только построить небольшой соборный храмъ, основать цаннидскую и гьудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основаніи Лаврана особенное вниманіе было обращено на то, чтобы монастырь этотъ выгодно отличался отъ другихъ своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройствомъ монашескаго общежитія. Дѣйствительно, нравственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монаховъ Лаврана и имя знаменитаго его перваго іерарха въ связи съ великолѣпіемъ храмовъ привлекали и продолжаютъ привлекать къ себѣ благочестиво настроенныхъ буддистовъ со всѣхъ концовъ Амдо.

Общій составъ монашествующей братіи исчисляется почти въ 3.000 человекъ при 18-ти большихъ и 30-ти малыхъ гэгэнахъ, или перерожденцахъ ²⁾).

¹⁾ Тибетцы и вообще послѣдователи тибетскаго буддизма имѣютъ обыкновеніе складывать внутрь статуй наиболѣе цѣнные сокровенные предметы культа.

²⁾ Лавранскіе гэгэны, по наблюденіямъ Барадійна, имѣютъ чрезвычайно строгое воспитаніе, направленное на то, чтобы умѣть внушить симпатіи и преклоненіе толпы проповѣдью, умѣть держать себя съ до-

При этомъ монастырѣ имѣется цаннидская школа, своего рода университетъ или духовная академія, въ которой проходитъ философія буддизма, и четыре школы для средняго образованія—гьудская, дуйнкорская, кьюдорская и такъ называемая медицинская—Манбадуканъ ¹⁾. Слушателями этихъ просвѣтительныхъ учрежденій являются ламы изъ Тибета, Амдо, Монголіи и даже нашего Забайкалья—буряты, а профессорами и учителями—достоинѣйшіе изъ ламъ, мѣстныхъ или тибетскихъ. Лучшими лекторами ламы студенты считаютъ двухъ заслуженныхъ профессоровъ: Хори-Роопсылъ—по богословію и Гунтунъ-Лодонъ—по буддизму вообще, мѣстныхъ уроженцевъ. Какъ прежде, такъ и теперь, ламы, окончившіе курсъ лавранскаго университета, направляются на нѣсколько лѣтъ въ Лхасу для окончательнаго укрѣпленія въ наукѣ. Мнѣ очень отъ радно было встрѣтить въ Лавранѣ въ числѣ мѣстныхъ студентовъ нашихъ бурятовъ, одинъ изъ которыхъ по имени Гуру-Дарма-Цырэм-

---

стоинствомъ и т. п. Для этого съ малыхъ лѣтъ до полнаго совершеннолѣтія гэгэны подвергаются суровому режиму монашеской и школьной жизни. Они находятся подъ постояннымъ надзоромъ своихъ наставниковъ, которые нерѣдко подвергаютъ своихъ святыхъ учениковъ жестокимъ наказаніямъ за какое-нибудь попустительство. Благодаря такому воспитанію всѣ лавранскіе гэгэны являются по-своему весьма строгими и дѣльными людьми, тогда какъ большинство монгольскихъ, особенно халхаскихъ хубилгановъ, представляетъ прямую противоположность лавранскимъ гэгэнамъ.

¹⁾ Относительно школъ гьудской, дуйнкорской и кьюдорской, то въ нихъ, замѣчаетъ Барадійнъ, изучаютъ разныя системы буддійской символики. Въ буддизмѣ существуетъ отдѣлъ, называемый по-тибетски „гьудъ“ (санс. тантра), который называется тайной частью ученія. Эта система буддизма въ своей древней формѣ, въ интересахъ сохраненія своей тайны, отрицала всякую письменность, признавая только устное сообщеніе ученія учителя ученику. Дальнѣйшей стадіей ея развитія явились символическіе приемы усвоенія буддійскихъ идей путемъ разнаго рода символическихъ положеній рукъ и пальцевъ рукъ, буквенныхъ формулъ, писанныхъ образовъ, статуи чертежей и т. д. Тайнымъ же ученіе называлось потому, что считалось недоступнымъ для непосвященныхъ. Въ настоящее время эта система потеряла всякій первоначальный смыслъ своей таинственности и превратилась въ Тибетѣ, въ Монголіи и у бурятовъ въ сложную систему разныхъ внѣшнихъ ритуаловъ, обрядностей. Учащіеся этихъ школъ занимаются исключительно практикой въ этихъ обрядностяхъ и заучиваніемъ обрядовыхъ руководствъ, а также изученіемъ основъ буддійской символики. Окончившіе курсъ въ школѣ символики получаютъ ученое званіе „аграмба“.

Въ медицинской школѣ изучается индо-тибетская медицина, которая благодаря выработанной вѣками врачебной практикѣ, основанной на строго-опытномъ изученіи природы органическаго и неорганическаго міра, до сихъ поръ служила однимъ изъ главныхъ орудій буддизма среди полукультурныхъ народностей. Окончившіе эту медицинскую школу получаютъ званіе „маврамба“.

пыловъ, хорошо говорилъ по-русски и далъ мнѣ не мало цѣнныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній. Цырэмпыловъ нынче оканчиваетъ лавранскій университетъ, а на будущій годъ предполагаетъ отправиться въ Лхасу для полученія законченнаго образованія, которое возможно приобрѣсти только въ столицѣ Тибета. Благодаря своему географическому и этнографическому положенію Лавранъ ни въ одно изъ возстаній дунганъ не подвергался разоренію; это обстоятельство ставитъ его по богатству и сбереженію историческихъ памятниковъ выше прочихъ монастырей, переживавшихъ погромы. Лавранъ гордится самымъ первымъ металлическимъ изображеніемъ Будды, бывшимъ, по преданію, въ рукахъ самого основателя буддійскаго ученія. Въ лавранской сокровищницѣ наукъ, въ библиотечномъ храмѣ Боинъ-зэть-лхаканъ, хранятся старинныя индійскія и тибетскія сочиненія.

Кругомъ монастыря, за исключеніемъ сѣверной, прислоненной къ горамъ его части, устроены навѣсы съ вертящимися цилиндрами „хурдэ“. Вѣрующіе буддисты по цѣлымъ днямъ совершаютъ религиозный обходъ—„лингоръ“ монастыря и поутно вертятъ цилиндры, съ священными писаніями внутри. „Нужно замѣтить, говоритъ Б. Б. Барадійнъ, что подобнаго рода хурдэ часто служатъ границей монастырскаго района; кельи монаховъ нельзя выносить за границу этихъ цилиндровъ: это было бы вопреки убѣжденію, что внутри поясовъ этихъ цилиндровъ должны царствовать покой и счастье“.

Монастырь Лавранъ расположенъ въ очень привѣтливой широкой долинѣ, обставленной высокими горами, на сѣверномъ склонѣ убранными лѣсомъ, состоящимъ подъ строгой охраной монастыря. По дну долины стремительно катится прозрачная рѣчка Сон-чю,—одинъ изъ многочисленныхъ притоковъ Хуанъ-хэ, берущій начало на амдоскомъ нагорьѣ. Ниже монастыря по этой рѣчкѣ имѣются также участки еловаго лѣса, поднимающагося по склонамъ до гребней горъ; въ этихъ лѣсахъ наши препараторы свободно охотились за птицами и успѣли пополнить орнитологическую коллекцію рѣдкими экземплярами, какъ, на примѣръ, гималайскіе клесты, оливковыя кустарницы, мандаринскіе дятлы, франколины или всѣре, ушастые фазаны, фазаны Штрауха и нѣсколько видовъ синицъ и синичекъ. Среди послѣднихъ наиболѣе выдѣлялась, такъ называемая, изящная синичка (*Leptorocile elegans*), красиво блестящая на солнцѣ своимъ чуднымъ опереніемъ; эта милая птичка открыта Н. М. Пржевальскимъ въ его третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Воображаю, какъ хорошо должно быть въ Лавранѣ лѣтомъ, хотя и теперь, въ февралѣ, поднявшись на южную береговую террасу,

приходишь въ восхищеніе. На востокъ и западъ змѣится рѣчка, на сѣверъ и югъ громоздятся горы, облитыя лучами яркаго, яркаго солнца. Мягкая лазурь небесъ манить глазъ, волшебный рокоть рѣчки и пѣніе птицъ ласкаетъ ухо. Взгляните съ высоты на монастырь, на его богатыя, оригинальныя постройки, на яркость красокъ, на пестрыхъ ламъ, толпами переходящихъ отъ храма къ храму и вы не нарушите, а дополните картину своеобразной прелести: съ дивнымъ величіемъ природы дивно сочетался человекъ въ своей молитвенной обстановкѣ.

„Во время лѣтнихъ школьныхъ перерывовъ, пишетъ Б. Б. Барадійнъ, назначаются особые дни, когда всѣ монахи отъ мала до велика выходятъ въ поле на день или на сутки въ окрестностяхъ Лаврана съ палатками и провизіей. Молодежь устраиваетъ разныя игры, а степенные монахи развлекаются разными прибаутками или рассказами изъ жизни буддійскихъ знаменитостей“.

„Также въ году бываютъ разныя религіозныя празднества, между которыми самымъ интереснымъ является театръ „Милай-цамъ“, основанный въ XIII вѣкѣ въ Лавранѣ въ честь знаменитаго тибетскаго поэта-философа и отшельника, пѣвца буддизма Миларайбы (XI в.). Этотъ театръ имѣетъ полусвѣтскій и полурелигіозный характеръ и играетъ въ Лавранѣ своеобразную роль публицистики. На сцену выходитъ горный отшельникъ Миларайба съ однимъ изъ его учениковъ и старикъ „Гонго-доржэ“, бывшій охотникъ, а потомъ ревностный послѣдователь Миларайбы. Этотъ послѣдній, во время представленія, разоблачаетъ передъ многочисленными зрителями изъ духовенства, мірянъ и мірянокъ, всѣ темныя дѣла, творимыя знатыми лицами Лаврана, посредствомъ намековъ, сатирическихъ и комическихъ выходокъ и рассказовъ. Передъ выходомъ на сцену этотъ актеръ обязанъ дать клятву передъ статуей генія хранителя, что онъ будетъ справедливъ въ своихъ сужденіяхъ и не будетъ брать взятокъ“.

Во время нашего пребыванія въ Лавранѣ глава этого монастыря отсутствовалъ. Его замѣняли двое его старшихъ помощниковъ, свѣтскій и духовный. Съ первымъ изъ нихъ мнѣ удалось близко познакомиться и получить разрѣшеніе произвести фотографическіе снимки не только съ общаго вида монастыря, но и съ его главнѣйшихъ храмовъ въ отдѣльности.

Изъ монастыря Лаврана экспедиція выступила въ половинѣ февраля 1909 г. двумя партіями. Главный караванъ я направилъ прямою, ближайшею, дорогою въ Лань-чжоу-фу; самъ же, палегкѣ, въ сопровожденіи переводчика китайскаго языка Цолютова, пошелъ

туда же круговымъ путемъ, черезъ Сининъ, чтобы поблагодарить Сининскаго Цин-цай'я за всѣ его заботы и хлопоты о нашей экспедиціи. Какъ разъ въ это время возвратился въ Гумбумъ Далай-Лама и мнѣ посчастливилось вновь свидѣться съ главою буддизма и верховнымъ правителемъ Тибета. Далай-Лама принялъ меня съ любезностью и предупредительностью. Въ Гумбумѣ я прожилъ болѣе недѣли и ежедневно навѣщалъ лавранъ—покой Далай-Ламы, проводя тамъ съ большимъ интересомъ по нѣскольку часовъ времени. Поѣздка въ Пекинъ, знакомство съ европейцами наложили извѣстный отпечатокъ не только на Далай-Ламу и его министровъ, но даже и на всю его свиту.

Молодой человекъ, по имени Намганъ, состоящій въ роли секретаря при особѣ Далай-Ламы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи до пяти большихъ и малыхъ фотографическихъ аппаратовъ, которыми съ успѣхомъ снималъ на пути его святѣйшества все то, что представлялось наиболѣе красивымъ и замѣчательнымъ.

...Принеся затѣмъ благодарность сининскимъ властямъ, я, въ половинѣ марта, прибылъ въ Лань-чжоу-фу, гдѣ уже двѣ недѣли проживалъ караванъ экспедиціи въ ожиданіи моего возвращенія.

Лань-чжоу-фу — резиденція вице-короля или генераль-губернатора провинціи Гань-су—красиво расположенъ на правомъ берегу быстрой, многоводной Хуанъ-хэ. Въ этомъ многолюдномъ торговомъ городѣ жизнь бьетъ ключемъ: улицы полны народомъ, магазины—товарами, привозимыми изъ Пекина и богатой Сы-чуани. Здѣсь не мало европейцевъ: миссіонеровъ, инженеровъ, техниковъ и другихъ дѣльцовъ. Черезъ Хуанъ-хэ воздвигается европейскій мостъ...

Своеобразную красоту и оригинальность придаютъ Лань-чжоу-фу четыре историческихъ башни, устроенныя на холмахъ, командующихъ надъ городомъ съ юго-запада, въ свое время сдерживавшія движеніе грозныхъ дунганъ изъ Хэ-чжоу.

Гарнизонъ города состоитъ изъ трехъ родовъ оружія и исчисляется въ шесть тысячъ человекъ, вооруженныхъ и обученныхъ по-европейски. Видѣнные мною солдаты — приличная молодежь, приученная къ дисциплинѣ. Сигналы въ войскахъ приняты европейскіе, и мы ихъ слышали ежедневно въ утренніе и вечерніе часы—часы регулярныхъ занятій офицеровъ съ солдатами.

Вице-король Гань-су довольно энергичный и рѣшительный государственный дѣятель; его ближайшій помощникъ Нѣ-тай—также. Оба эти сановника приняли меня изысканно вѣжливо и деликатно и оказали экспедиціи полнѣйшее содѣйствіе.

Генераль-губернаторъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, подробно разспрашивая объ Куку-норѣ, объ амдо'скомъ нагорьи. Въ простой бесѣдѣ со мною, онъ не разъ вспоминалъ также и Россію, называя по-русски города С.-Петербургъ, Москву, Нижній-Новгородъ, Иркутскъ и озеро Байкаль, лежавшіе на его пути изъ Пекина, когда онъ ѣзжалъ къ намъ въ качествѣ китайскаго посланника; генераль-губернаторъ спрашивалъ меня о томъ, между прочимъ, закончена ли постройка круго-байкальскаго желѣзнодорожнаго пути. Болѣе всего вице-король былъ знакомъ, конечно, съ С.-Петербургомъ и его окрестностями, и восхвалялъ красоту зданій и качество дорогъ. На его языкѣ я слышалъ правильное русское произношеніе Петергофъ, Озерки и проч.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ, вице-король показалъ мнѣ образцово-сбереженный семейный портретъ нашего покойнаго Императора Александра III, о которомъ китайскій сановникъ хранитъ высокое и трогательное воспоминаніе.

Въ Лань-чжоу-фу намъ удалось также пополнить свою этнографическую коллекцію старинными образцами китайскаго художественнаго творчества, въ особенности въ отдѣлѣ бронзы; впрочемъ, на многіе, выдающіеся предметы пришлось только полюбоваться, такъ какъ они стояли большихъ денегъ, которыми мы подъ конецъ своего путешествія далеко не располагали, къ тому же систематическое приобрѣтеніе образцовъ буддійскаго культа, входившее въ нашу программу, не легко ложилось на бюджетъ экспедиціи, скорѣе его превышало.

Изъ Лань-чжоу-фу мы уже имѣли возможность нанять монголовъ-подводчиковъ и отправиться въ Алашань верблюжьимъ караваномъ. Это пріятное передвиженіе нами исполнено въ двѣ недѣли.

Погода стояла благоприятная. Теплое солнышко ласкало насъ ежедневно. Всѣ невзгоды Амдо были позабыты. Даже нашъ пернатый спутникъ—грифъ-монахъ (*Vultur monachus*) и тотъ, отдохнувъ въ Лавранѣ и Лань-чжоу-фу, теперь легче переносилъ ѣзду и качку на вьючномъ верблюдѣ. Грифа, этого огромнаго крылатаго хищника, я купилъ въ Гуй-дуй'ѣ, у китайца. Грифъ скоро привыкъ къ намъ, освоился, но на китайцевъ и тангутовъ смотрѣлъ какъ на враговъ, съ которыми постоянно ссорился. Еще болѣе враждебно грифъ относился къ чужимъ собакамъ, ожесточенно нападал на нихъ и ударяя острымъ клювомъ и крыльями. Въ дорогѣ, мы его пеленали какъ младенца и клали въ корзину съ отверстіемъ для головы птицы. По приходѣ на стоянку, грифъ получалъ полную

свободу и порядочную порцію мяса. Такимъ образомъ, невольный нашъ спутникъ совершилъ путешествіе, при караванѣ, въ три тысячи верстъ съ лишкомъ, а затѣмъ на пароходѣ и желѣзной дорогѣ еще семь тысячъ верстъ прежде, нежели прибылъ въ С.-Петербургъ, съ вагономъ экспедиціонныхъ коллекцій ¹⁾).

Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили въ пустынь, а седьмого апрѣля уже прибыли въ Дынъ-юань-инъ на складъ и метеорологическую станцію экспедиціи. Здѣсь все оказалось въ полномъ благополучіи и исправности.

Оазисъ Дынъ-юань-инъ, подъ жаркими лучами южнаго солнца, успѣлъ одѣть весеннее убранство. Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ цвѣтущихъ плодовыхъ деревьевъ. Лужайки отливали изумрудомъ. Ласточки съ пріятнымъ щебетаніемъ носились изъ стороны въ сторону. Но лучше всего въ Алашань—это Алашаньскій хребетъ, который въ прозрачнѣе состояніе неба представляетъ очаровательное зрѣлище, въ особенности во время заката солнца, когда на его крутые склоны картинно ложится фіолетовая или сизая, чарующая глазъ, дымка...

Въ наше теперешнее пребываніе въ Дынъ-юань-инъ, цинъ-ванъ со всѣмъ своимъ дворомъ отсутствовалъ. Его возвращеніе изъ Пекина ожидалось осенью: Отсутствіе ванскаго двора наложило на городъ скучный отпечатокъ—жизнь замерла, торговля почти прекратилась, улицы опустѣли.

Отдохнувъ денекъ-другой въ Дынъ-юань-инъ, мы энергично принялись за сортировку багажа и упаковку коллекцій, а также и за сложныя приготовленія къ путешествію въ пустынь лѣтомъ, и предстоящимъ занятіемъ на развалинахъ Хара-хото.

Въ концѣ апрѣля къ намъ прибылъ капитанъ Напалковъ, проложившій новый интересный путь по Гань-су, въ дополненіе къ картографіи, картографическимъ работамъ минувшаго года. Теперь участники экспедиціи собрались въ одно мѣсто, экспедиціонный багажъ-коллекція въ одно цѣлое; но все это не надолго, такъ какъ изъ Дынъ-юань-ина намъ предстояли двѣ дороги: одна въ Хара-хото, другая въ Ургу. По первой, налегкѣ, съ большимъ числомъ людей—самъ-девятъ—отправился я, четвертаго мая (1909 г.); по второй, девятаго мая, самъ-четыре,—мой помощникъ капитанъ Напалковъ, во главѣ большаго каравана.

¹⁾ Въ настоящее время грифъ-монахъ пребываетъ въ пути или можетъ быть уже достигъ Аскани-Нова, гдѣ, въ замѣчательномъ акклиматизаціонномъ саду Э. Э. Фальцъ-Фейна, найдетъ для себя наиболѣе подходящее пристанище, нежели въ нашихъ столичныхъ зоологическихъ садахъ.

Бурый грифъ вблизи монгольского стойбища.

Весь путь отъ Дынъ-юань-ина до Хара-хото, въ 570 верстѣ, пройденный мною въ девятнадцать дней, характеризуется крайней пустыней то совершенно гладкой песчано-каменистой, то иснещреной волнами каменистыхъ грядъ и холмовъ, преграждающихъ горизонтъ; и лишь кое-гдѣ, по низинамъ, отрадно зеленѣли пустынные формы растительности: саксаулъ (*Haloxylon ammodendron*), тамарискъ (*Tamarix Pallasii*), хармыкъ (*Netragia schoberi*) и другіе немногіе кустарники, отливавшіе желтыми, бѣлыми или свѣтло-розовыми цвѣтами. Теплый воздухъ былъ наполненъ жужжаніемъ насекомыхъ; по поверхности земли шныряли многочисленныя остроголовыя и плоскоголовыя ящерицы, ползали жуки, неприятно извивались змѣи... Изъ пернатого царства преобладали коренные или осѣдлые обитатели: черный грифъ (*Vultur monachus*), два-три вида соколовъ, пустынная сойка (*Podoces Hendersoni*), жаворонки и самыя характерныя птицы пустыни—больдурюки (*Syrrhaptes paradoxus*); послѣднія, срываясь съ гнѣздъ, всегда пугали нашихъ караванныхъ животныхъ — верблюдовъ. По части млекопитающихъ, по-прежнему, чаще всего попадались на глаза стройныя газели харасульты (*Gazella subgutturosa*), искушавшія нашихъ охотниковъ. Зоологическія и ботаническія коллекціи пополнялись.

Кочевники со стадами скота попадались подлѣ колодцевъ — нашихъ пристанищъ на ночлеги. Въ походѣ мы обыкновенно вставали съ проблескомъ утренней зари, ложились въ девять часовъ, послѣ вечернихъ метеорологическихъ наблюдений. Время бѣжало быстро, незамѣтно. Развалины Хара-хото манили насъ неудержимо; о Хара-хото мы говорили ежедневно.

На этотъ разъ, маршрутъ экспедиціи, вскорѣ послѣ колодца Дурбунъ-мото, т. е. „Четыре дерева“, уклонился къ сѣверу, на монастырь Шарцзанъ-сумэ, гдѣ можно считать, приблизительно, половинное разстояніе до намѣченной цѣли. Этотъ пунктъ удалось опредѣлить астрономически. Обитатели монастыря, въ числѣ ста монаховъ, исповѣдуютъ ученіе Цзонъ-хавы, ревностно заботясь о богатствѣ и славѣ небольшихъ монастырскихъ храмовъ.

Въ одномъ переходѣ отъ Шарцзанъ-сумэ, при колодцѣ Цзагинъ-худукъ, гдѣ проживалъ монгольскій крезъ—лама Иши, мы прожили цѣлый день. Здѣсь намъ предстояло смѣнить верблюдовъ, къ тому же прекрасная погода уступила мѣсто бурной, омрачившей воздухъ тучами тонкой пыли. Съ бурей температура временно понизилась на столько, что мы вновь одѣли мѣховыя куртки; къ счастью не надолго.

Получивъ свѣжихъ верблюдовъ, экспедиціонный караванъ сталъ передвигаться еще болѣе успѣшно. Передъ нами продолжали раз-

вертываться пустынные картины тѣ же, что и прежде, мѣстами же еще грустнѣе; теперь стали попадаться исключительно пастухи, пасшіе верблюдовъ; другого скота мы не видѣли и питаться должны были сухимъ, консервированнымъ самими, бараньимъ мясомъ. Такъ продолжалось до пустыннаго оазиса Гойцзо, гдѣ предполагалось прожить нѣсколько дней или что то же самое слѣдовать по немъ небольшими переходами.

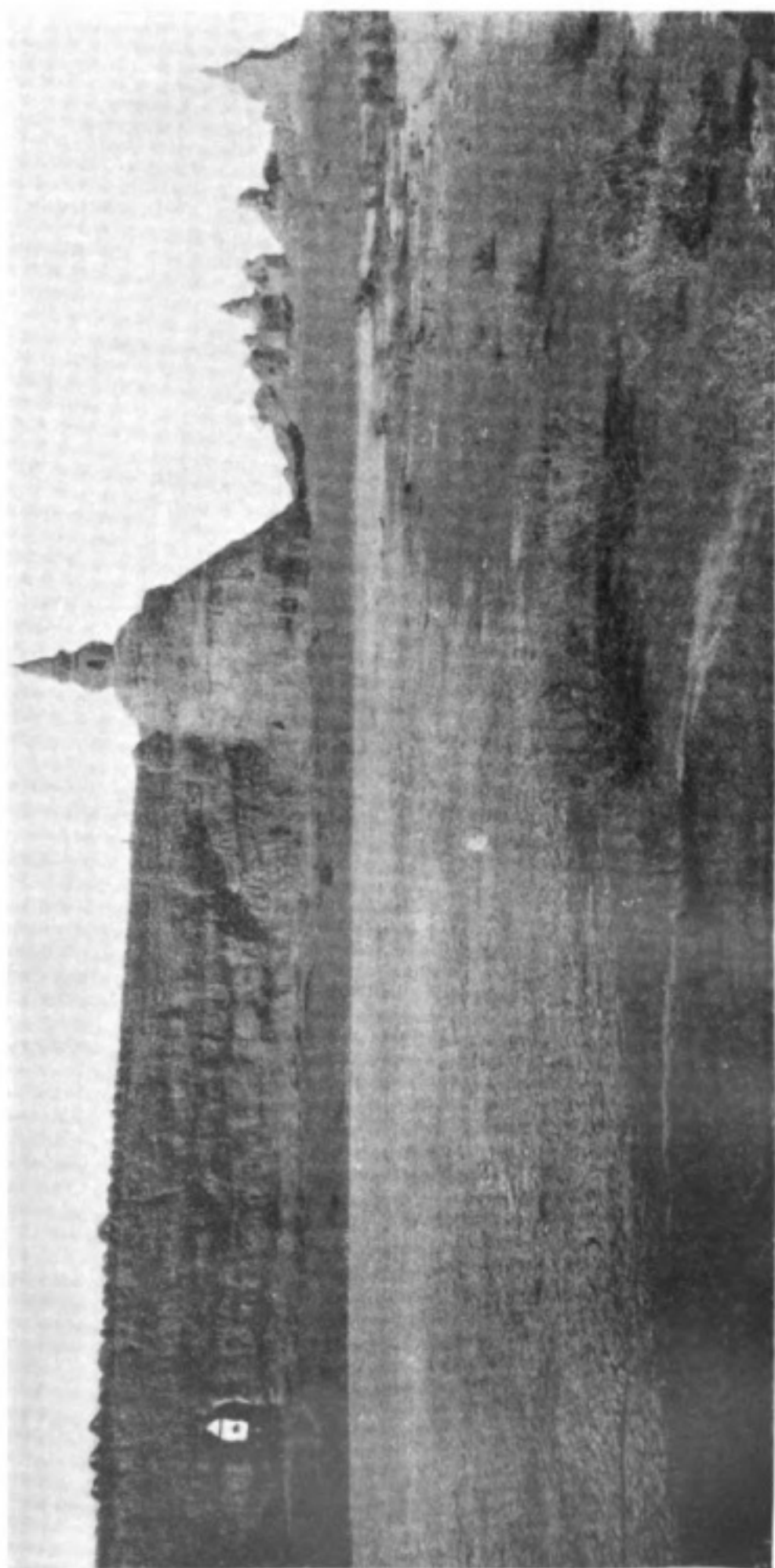
Въ передній путь въ Гойцзо, въ началѣ апрѣля (1908 года), мы наблюдали много плавающихъ и голенастныхъ птицъ, отдохавшихъ при перелетѣ на сѣверъ. Озерки были покрыты разнообразными породами гусей, утокъ, среди стай которыхъ попадались турпаны и лебеди, а вдоль береговъ не мало куликовъ, сѣрыхъ цапель, малыхъ сѣрыхъ журавлей (*Grus virgo*) и немногихъ другихъ. Днемъ и ночью окрестность была оживлена голосами или шумомъ крыльевъ пернатыхъ странниковъ. Теперь же въ пору болѣе позднюю — въ пору гнѣздованія, мы наблюдали тѣхъ же птицъ, но въ меньшемъ количествѣ, зато среди воробьиныхъ или кричащихъ встрѣчались не отмѣченныя раньше — варакушки, овсянки и камышевки, оглашавшія воздухъ весенними голосами.

Изъ звѣрей я здѣсь добылъ интересную дикую кошку, убитую въ камышѣ наканунѣ разрѣшенія отъ бремени; прекрасные, тигровой окраски, котята также попали въ нашу спиртовую коллекцію.

Монгольское населеніе ютилось обособленными группами юртъ въ небольшомъ количествѣ, на всемъ протяженіи котловины. Въ восточной половинѣ ея, при ключевомъ родникѣ, нѣкій гэгэнь — просвѣтитель народа, устроилъ большое молитвенное обо, куда, лѣтомъ, монголы собираются для отправленія богослуженія и устройства праздничной пирушки.

За котловиной Гойцзо мы опять вступили въ пустыню. Дневной жаръ сталъ усиливаться, въ особенности въ открытой песчаной или солончаково-глинистой равнинѣ, нерѣдко омрачаемой сѣрою пыльною дымкой, сквозь которую дневное свѣтило выглядить въ видѣ блѣднаго диска. Въ пустынѣ пришлось съ новой силой поналечь на большіе безводные переходы...

Наконецъ, двадцать второго мая, въ полдень, экспедиція прибыла въ мертвый городъ Хара-хото, и расположилась бивуакомъ не въ центрѣ его историческихъ стѣнъ, какъ прежде, а нѣсколько ближе къ сѣверо-западному углу, подлѣ развалинъ большой фанзы. Въ наше годичное отсутствіе изъ древняго города, въ него никто не заглядывалъ: его развалины были въ томъ же положеніи, въ ка-

Хара-хото. Западный угол крепости „Хара-хото“ (слева видна брешь).

комъ мы ихъ и оставили ¹⁾). Нетронутыми оказались и тѣ предметы, извлеченные нами изъ подъ обломковъ пли муссора, которые мы оставили какъ не нужные.

Мертвый городъ опять на время ожилъ: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетѣла пыль.

Разсчитывая просидѣть на работахъ—раскопкахъ около мѣсяца, я возобновилъ пріятельскія отношенія съ торгоутъ-бэйлэ, живущимъ на Эцзинъ-голѣ, въ двадцати съ лишкомъ верстахъ отъ Хара-хото, заручился его содѣйствіемъ по найму рабочихъ землекоповъ, а также подрядилъ за извѣстную плату торгоутовъ, ежедневно, доставлять намъ съ Эцзинъ-гола воду и барановъ. Повышенная физическая дѣятельность, увеличеніе количества ртовъ въ два-три раза требовали того и другого весьма много. Какъ прежде, такъ и теперь, Хара-хото установилъ связь съ долиною Эцзинъ-гола. Ежедневно, въ полдень, къ намъ приходилъ караванъ изъ ословъ, доставлявшій воду и продовольствіе, и привозившій намъ новости. Порою, провѣдывалъ насъ кто-либо изъ чиновниковъ—торгоутъ-бэйлэскаго управленія, чтобы, въ свою очередь, знать, какъ поживаютъ на развалинахъ русскіе.

Не только мои спутники, но даже и туземные рабочіе вскорѣ прониклись интересомъ къ раскопкамъ. Мы только и говорили о Хара-хото: вечеромъ—о томъ, что найдено въ теченіе истекшаго дня, утромъ—что можно и что предстоитъ найти. По-прежнему, мы просыпались съ зарей и въ сравнительной прохладѣ вели свои работы; днемъ отдыхали, а то и пуще томились отъ изнурительнаго жара, такъ какъ въ тѣни воздухъ нагрѣвался до 37° съ лишкомъ, а земная поверхность накалялась солнцемъ свыше 60° С. Пыль и песокъ, поднимаемые горячимъ воздухомъ, положительно изнуряли. Сѣрая, безжизненная окрестность усиливала непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Я всегда радовался при появленіи на нашъ бивуакъ двухъ черноухихъ коршуновъ (*Milvus melanotis*), подбиравшихъ отбросы кухни; эти птицы со всѣми нами скоро освоились и смѣло усаживались въ нашемъ близкомъ сосѣдствѣ, чуть не выпрашивая подачекъ. Къ этому пріучили ихъ мои спутники, бросавшіе птицамъ въ воздухъ куски мяса, которое коршуны искусно схватывали. Не любила птицъ и постоянно ссорилась съ ними наша экспедиціонная собака „Лянга“, неизмѣнная спутница почти всего нашего путешествія. Эти живыя существа—птицы и собака только и ожив-

---

¹⁾ Необходимо упомянуть, что на стѣнахъ Хара-хото до сихъ поръ продолжаютъ лежать запасы гальки, которой, между прочимъ, въ свое время, отбивались осажденные въ Хара-хото.

ляли, только и развлекали наше монотонное житье въ Хара-хото, въ особенности въ теченіе первой недѣли, когда результаты раскопокъ были только посредственные при большой затратѣ физическаго труда.

Самыя раскопки производились по заранѣ составленному плану: монгольская партія рабочихъ, подъ присмотромъ моего спутника бурята, систематически изслѣдовала развалины фанзъ, на протяженіи немногихъ улицъ Хара-хото; русская же партія, помимо раскопокъ внутри города, производила изысканія и внѣ хара-хотоскихъ стѣнъ, въ близкомъ и далекомъ разстояніи.

Какъ прежде, такъ и теперь попадались предметы домашняго обихода, предметы скромной роскоши, а также письма, бумаги, металлическіе и бумажные денежные знаки и проч. ¹⁾ Однообразныя, скромныя находки стали, наконецъ, наскучивать намъ; энергія ослабѣвала. Между прочимъ рекогносцировки для нахождения и сосредоточиванія новыхъ раскопокъ производились, результатомъ чего и былъ поставленъ на очередь субурганъ, расположенный внѣ крѣпости и отстоящій отъ западной стѣны въ $\frac{1}{4}$ версты, на берегу сухого русла... Вотъ этотъ-то субурганъ, названный нами „знаменитымъ“, и поглотилъ, затѣмъ, все наше вниманіе и время. Онъ подарилъ экспедиціи большое собраніе, цѣлую библіотеку ²⁾ книгъ, свитковъ, рукописей, множество образцовъ буддійской иконописи, исполненной въ краскахъ на толстомъ холстѣ, на тонкихъ шелковыхъ матеріяхъ и на бумагахъ; среди массы книгъ и образцовъ живописи, нагроможденной въ хаотическомъ безпорядкѣ, тамъ и сямъ, попадались очень интересныя металлическія и деревянныя, высокой и низкой культуры, статуэтки, клишэ, модели субургановъ и многое другое. Цѣнность находокъ еще болѣе увеличивается благодаря удивительной, несравненной сохранности ихъ въ крайне сухомъ пустынномъ климатѣ. Дѣйствительно, большинство книгъ и рукописей, а также и иконопись поражаютъ своею свѣжестью послѣ того, какъ они пролежали въ землѣ не мало вѣковъ. Хорошо сохранились не только листы книгъ, но и бумажныя или шелковыя преимущественно синяго цвѣта, обложки. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ богатствомъ въ субурганѣ былъ похороненъ, вѣроятно, гэгэнъ, косякъ котораго покоился, въ сидячемъ положеніи, у сѣверной стѣны надгробія.

Самый субурганъ, поднимался надъ поверхностью земли до че-

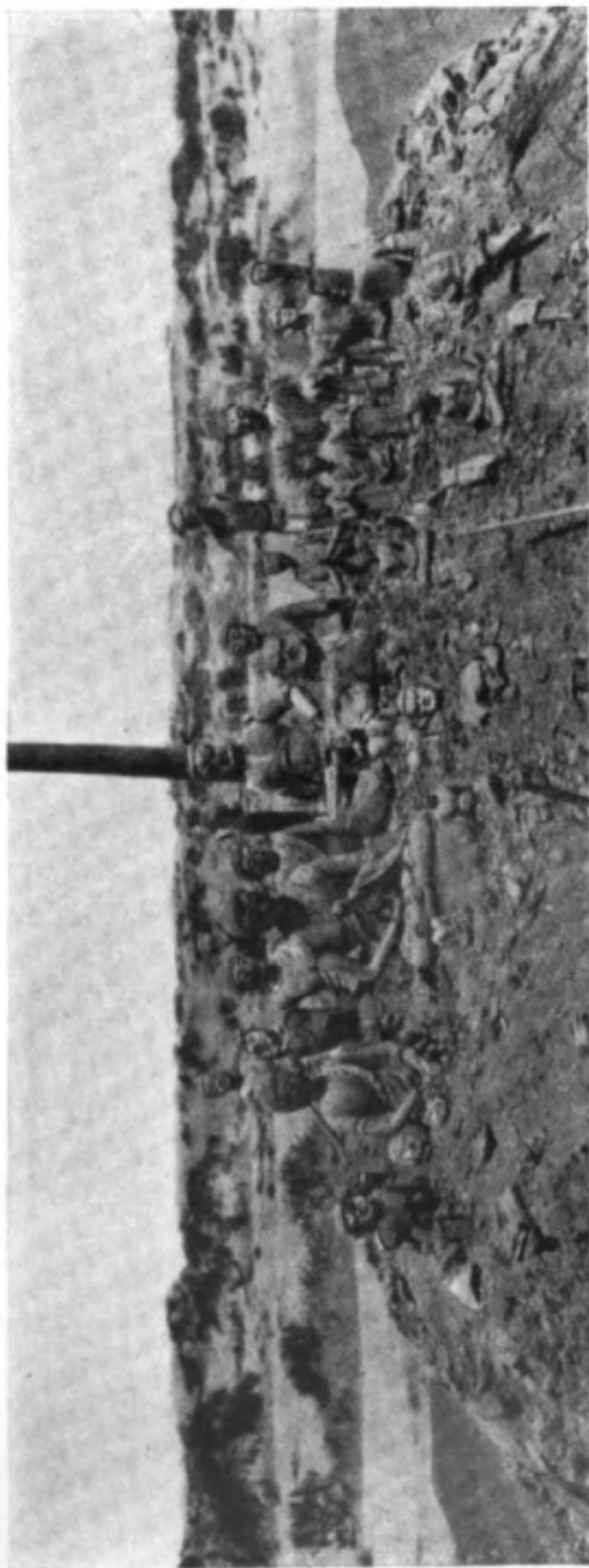
¹⁾ Во время раскопокъ хара-хотоскихъ развалинъ мы нашли, между прочимъ, очень интересную, ночную ящерицу, степного удава и летучую мышь.

²⁾ Состоящую, приблизительно, изъ двухъ тысячъ экземпляровъ.

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ началѣ раскопокъ“.

Хара-хото. „Знаменитый субурганъ въ концѣ раскопокъ“, глиняныя статуи съ
золочеными лицами.

тырехъ—пяти саженой и состоялъ изъ пьедестала, середины и коническаго, полуразрушеннаго временемъ или любопытствомъ челоуѣка, верха. Въ основаніи центра пьедестала вертикально былъ укрѣпленъ деревянный шестъ безъ какого бы ни было украшенія на вершинѣ... На пьедесталѣ субургана, вокругъ шеста, лицомъ къ центру, стояло до двухъ десятковъ большихъ, въ ростъ челоуѣка, глиняныхъ статуй, передъ которыми лежали огромныя книги, словно передъ ламами, отправлявшими богослуженіе. Эти книги состоятъ изъ толстой, китайскаго типа, сѣровато-бѣлой бумаги съ письмомъ Си-ся, преобладающимъ вообще среди письменъ Хара-хото ¹⁾.

Собравъ весь матеріалъ субургана, который несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ не только на историческое прошлое тангутской столицы и ея обитателей, но и на многое другое, мы начали собираться въ дорогу. Нашъ караванъ выросъ до большихъ размѣровъ и внушалъ опасеніе за цѣлость доставки его на родину.

Абсолютная высота Хара-хото, выведенная изъ мѣсячнаго систематическаго наблюденія, выражается 2.700 футовъ. Географическія же координаты слѣдующія: широта $41^{\circ} 45' 40''$, долгота отъ Гринвича $6 \text{ h } 04 \text{ m } 20 \text{ s} . 99 = 101^{\circ} 5' 14'' . 85$.

Въ половинѣ іюня прибыли наши верблюды, все это время находившіеся на отдаленныхъ пастбищахъ, въ окрестностяхъ монастыря Шарцзанъ-сумэ. На слѣдующій, затѣмъ, день мы оставили насиженное мѣсто. Верблюжій караванъ повезъ экспедицію на Эцзинъ-голь. Не знаю почему, но въ послѣднія минуты—минуты окончательнаго разставанія съ Хара-хото, мнѣ стало отъ души жаль этотъ заброшенный мертвый городокъ, давшій мнѣ лично не мало пріятныхъ минутъ и часовъ. Окинувъ прощальнымъ взглядомъ крѣпость, я вышелъ въ западныя ворота и простился съ „знаменитымъ“ субурганомъ, отъ котораго, впрочемъ, осталось лишь одно основаніе...

Привѣтливая, въ особенности послѣ пустыни, долина нижняго теченія Эцзинъ-гола, тѣмъ не менѣе, не удержала насъ долго, такъ какъ къ томительной жарѣ здѣсь еще прибавились кровосійцы—комары и овода, изнурявшіе насъ и нашихъ животныхъ пуще прежняго. Проживъ три—четыре дня, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

¹⁾ Найдены письма на языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, манчжурскомъ, монгольскомъ, турецкомъ или арабскомъ и... на невѣдомомъ.

Въ день выступленія въ дорогу, лишь только зардѣла лѣтняя заря на востокѣ, ко мнѣ прибылъ съ прощальнымъ визитомъ торгоутъ-бэйлэ, въ сопровожденіи наслѣдника, красиваго, симпатичнаго, лѣтъ тринадцати мальчика, и всего своего штаба чиновниковъ, молодецки возсѣдавшихъ на отличныхъ рослыхъ коняхъ джунгарской породы. Я искренно былъ радъ, что имѣлъ возможность лично принести благодарность этому монгольскому князю, оказавшему намъ вторично еще большее содѣйствіе и предупредительность при изслѣдованіи Хара-хото, нежели въ первое посѣщеніе экспедиціи, когда, казалось, бэйлэ чего-то трусилъ.

Около часа времени просидѣлъ у меня управитель торгоутовъ въ живыхъ разказахъ о Хара-хото, о Россіи, о нашемъ прочномъ знакомствѣ. Изъ посланныхъ ему на этотъ разъ остатковъ подарковъ, бэйлэ былъ въ восторгѣ отъ стереоскопа съ видами Москвы, Петербурга и Петергофа, а также парадовъ войскъ въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи. Князь и его свита восхищались русской гвардейской кавалеріей.

Отъ низовья Эцзинъ-гола до Гурбунъ-сайханъ, несмотря на усталость и томительный зной... благо стремленіе къ родному сѣверу... экспедиція направилась ускореннымъ маршемъ, тѣмъ болѣе, что путь нашъ на большемъ протяженіи былъ уже изученъ нами весною прошлаго года. Придя въ Гурбунъ-сайханъ, нѣкоторые изъ насъ почувствовали крайнее переутомленіе, а неизмѣнный мой спутникъ, старикъ Ивановъ, еще дорогою сюда, чуть-чуть не перестарился... во всякомъ случаѣ напугалъ меня сильно.

Въ самый разгаръ лѣта, въ лучшую пору развитія растительной и животной жизни, экспедиція достигла этой восточной окраины Монгольскаго Алтая, удобно расположившись главнымъ бивуакомъ у южнаго подножья Дунду-сайханъ ¹⁾ и широко развѣвъ легкія экскурсіи въ области всего этого средняго массива. Въ цѣляхъ ознакомленія съ естественно-историческимъ богатствомъ страны, сборовъ образцовъ этихъ богатствъ, равно и для возстановленія силъ, потраченныхъ при исполненіи изнурительныхъ, но крайне любопытныхъ работъ въ знойной безводной пустынѣ, въ лучшей части горъ, въ сравнительной прохладѣ, на изумрудной лужайкѣ, по которой капризно извивался серебристый ручеекъ, мы прожили двѣ недѣли.

Монгольское населеніе, во главѣ съ молодымъ княземъ Балдынъ-

¹⁾ „Гурбунъ-сайханъ“, т. е. „Три отличныхъ“ (массива): Барунъ-сайханъ (Западный), Дунду-сайханъ (Средній) и Цзунъ-сайханъ (Восточный).

Золотая медаль Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества.
(На золотомъ ободкѣ, скрѣпляющемъ стекла, выгравировано: Colonel P. K. Kozloff. 1911).

цзасакомъ, относилось къ намъ любезно и предупредительно. Одни изъ насъ жили въ глубинѣ горъ, другіе на ихъ окраинѣ, успѣшно коллектируя ботаническіе и зоологическіе сборы. Отсюда мнѣ удалось написать и отправить на родину небольшой отчетъ и частныя письма съ гонцомъ русскаго консульства, прискакавшаго ко мнѣ изъ Урги, куда уже благополучно прибылъ транспортъ экспедиціи. Такимъ образомъ, благодаря заботливости извѣстнаго знатока Монголіи Я. П. Шишмарева, временно пребывавшаго въ Ургѣ, экспедиція установила связь съ соотечественниками.

Три хребта—западный, средній и восточный,—составляющіе массивъ Гурбунъ-сайханъ, возвышаются на общемъ обширномъ пьедесталѣ. Хотя изъ впадинъ, прилегающихъ къ массиву, сѣверная значительно ниже южной, но пьедесталъ особенно величественнымъ кажется съ южной стороны. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ неодинаковой крутизны его склоновъ, а также отъ наружнаго вида скалистыхъ частей массива.

Въ глазахъ кочевниковъ Гурбунъ-сайханъ заслуживаетъ высшей оцѣнки привольемъ богатыхъ пастбищъ и прохладой лѣтомъ. По словамъ монголовъ, здѣсь въ іюлѣ, нерѣдко, гребень хребта серебрится снѣгомъ, тогда какъ въ среднемъ и нижнемъ поясахъ горъ падаютъ благодатные дожди. Древесныя породы въ этихъ горахъ почти отсутствуютъ, кустарниковъ, сравнительно, также не много, но зато луговъ альпійскихъ травъ въ достаткѣ.

Рядомъ со стадами домашняго скота здѣсь можно встрѣтить горныхъ козловъ (*Capra sibirica*), рѣже каменныхъ барановъ (*Ovis*); за тѣми и другими охотятся монголы съ фитильными самоцалами. Горные скаты изрыты норками сурковъ и многочисленныхъ пищухъ (*Lagomys*), которыхъ подкарауливаютъ лисицы и хорьки. Зайцы весьма обыкновенны, какъ обыкновенны и суслики и волки; послѣдніе часто наносятъ вредъ стадамъ барановъ.

Изъ птицъ въ описываемыхъ горахъ преобладали хищники какъ количествомъ, такъ и разнообразіемъ видовъ. Въ скалистыхъ частяхъ Дунду-сайхана намъ удалось добыть, между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ алтайской горной индѣйки (*Tetraogallus altaicus*), имѣющей въ Гурбунъ-сайханъ восточную границу географическаго распространенія.

Переваливъ массивъ Гурбунъ-сайханъ между его средней и восточной частями, экспедиція направилась къ сѣверу изученнымъ мною путемъ въ минувшее, 1899—1901 г., путешествіе по цен-

тральной Азіи ¹⁾ и прибыла въ Ургу въ концѣ іюля, а девятого августа, совмѣстнымъ караваномъ экспедиціи, мы вступили въ Кяхту, на границу отечественныхъ владѣній.

Итакъ, мое монголо-сычуаньское путешествіе окончилось...

П. Козловъ.

Въ заключеніе, редакція находитъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ. Передъ читателями нашего журнала прошла жизнь и дѣятельность русскаго путешественника. Рѣдко для кого такъ счастливо слагаются обстоятельства, какъ они сложились для Петра Кузьмича Козлова. Не меньшей, если не большей, счастливецъ Николай Михайловичъ Пржевальскій не разъ говаривалъ своему достойному ученику: „Кизо, ты счастливый, твоя весна впереди!..“ Удивительно, въ какой сильной мѣрѣ Пржевальскій привилъ Козлову любовь къ природѣ Азіи, любовь къ путешествію. Впрочемъ „путешественникомъ надо родиться“, сказалъ тотъ же Пржевальскій, и его ученикъ, послѣдователь, можно сказать, самый родной сынъ, именно родился путешественникомъ и счастливо, опять счастливо, унаслѣдовалъ отъ отца беззавѣтную любовь къ изслѣдованію Азіи... Едва П. К. Козловъ успѣлъ отдохнуть и разобраться съ богатѣйшимъ матеріаломъ его Монголо-Сычуаньской экспедиціи, какъ онъ уже вновь протягиваетъ руку къ своему „странническому посоху“, его мечты и грезы опять понесли въ любимую имъ Центральную Азію... Онъ уже представляетъ себя въ монгольской пустынѣ, гдѣ „въ вечерніе часы картинно играютъ отблески заката“, гдѣ маленькій лагерь его экспедиціи незамѣтно пріютился въ ущельицѣ; то онъ себя видитъ астрономомъ—наблюдателемъ ярко блестящихъ, въ прозрачномъ воздухѣ пустыни, небесныхъ свѣтилъ; то ему рисуется его любимый красавецъ Тэтунгъ, тэтунгскія высокія скалы, дѣвственные лѣса, вспоминаются незабвенныя минуты въ тѣсномъ общеніи съ Пржевальскимъ; убѣгаетъ, затѣмъ, мысль еще дальше въ его завѣтный Камъ, на Меконгъ, къ голубой, звонкой красавицѣ Бар-чю, гдѣ картины дикихъ скалъ сливаются въ дивную гармонию, гдѣ сама рѣка стремительно несется и клокочетъ пѣнистыми брызгами, гдѣ ревомъ и шумомъ стремнины заглушается самый громкій людской голосъ, гдѣ манять къ себѣ голубые, розовые, сиреневые ковры цвѣтовъ, гдѣ по деревьямъ прыгаютъ „мандрилы“ и гдѣ, чуть-чуть подале, въ тиши, льются мелодичные звуки зеленыхъ всере...

¹⁾ П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ“, томъ I, часть II стр. 706 и слѣдующія.

Говоря о мечтахъ и грезахъ П. К. Козлова, сами собою приходятъ на умъ мечты и грезы Н. М. Пржевальскаго: „Грустное, тоскливое чувство, говоритъ онъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастья“.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь“...

Двадцать пятого мая, настоящаго года, происходило послѣднее сезонное засѣданіе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на которомъ предсѣдатель, патріархъ-географъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій вручилъ П. К. Козлову золотую медаль Англійскаго королевскаго географическаго общества ¹⁾. Короткая, но очень трогательная, покрытая аплодисментами, рѣчь предсѣдателя Совѣта произвела на путешественника глубокое впечатлѣніе...

Ред.

¹⁾ Красивая по идеѣ и исполненію королевская медаль эта представлена здѣсь вниманію читателей.